Домогаров Александр

17

АЛЕКСАНДР ДОМОГАРОВ:

Культура. – 2006. – 2–15 марта. – с. 16

Хочу сбежать от всех за высокий забор

Александр ДОМОГАРОВ – безусловно, из первой пятерки звезд российского театра и кино. Востребован основательно, занят много, любим зрителями и особенно, конечно же, зрительницами безмерно. Всенародную популярность, как водится, принесло кино – сериальное и большой экран. Но и в театре Домогаров – величина заметная. Благодаря богом и родителями данной внешности героя-любовника с блеском сыграл массу ролей в этом амплуа – Арман Дюваль в "Даме с камелиями", Звездич в "Маскараде", Жорж Дюруа в "Милом друге". А вот в дипломном спектакле Щепкинского училища, которое он окончил в 1984 году, Домогарову доверили роль Родиона Раскольникова. Да и студентом он, видимо, был заметным, поскольку на IV курсе был удостоен именной стипендии имени Ленского. Сегодня именную стипендию платит уже он сам – одному из перспективных учеников Щепкинского. Год Домогаров проработал в Малом театре, затем отправился отбывать воинскую повинность в Центральный театр Советской Армии, где задержался на долгих десять лет, о чем сегодня вспоминает без особого энтузиазма. В 1995-м перешел в труппу Театра имени Моссовета, где и остается по сей день, более удовлетворенный творческими условиями и ситуацией. Сегодня на его счету всего три спектакля. Но их незначительное количество явно перешло в качество материала и актерской отдачи: он играет Марата в пьесе Арбузова "Мой бедный Марат", Сирано де Бержерака в одноименном спектакле, Джекила и Хайда в мюзикле "Странная история доктора Джекила и мистера Хайда". Совсем скоро приступит к съемкам в очень важной для него картине, которая выйдет в большом формате и 12-серийной телеверсии. Это фильм "Колчак" режиссера Андрея Кравчука, где Домогаров предстанет в заглавной роли. У безмерной популярности есть очевидные издержки. В последнее время Александр Домогаров появляется на страницах в основном желтой прессы исключительно как герой светской и скандальной хроники. Что ни день, то новая версия очередных безумств артиста. Это явно не добавляет его репутации положительных моментов. Достоевский устами своего персонажа сказал однажды: "Широк человек, я бы сузил". В случае с Александром Домогаровым хочется поступить с точностью до наоборот.

– Александр, роль Колчака явно не станет проходной в вашей биографии. И все же, в чем для вас манок этой работы – в очередном пересмотре истории, в восстановлении исторической и личностной справедливости, в чем-то еще?

– Меня очень заинтересовала судьба этого человека. Этой личности, попавшей в такой острый исторический срез. А Колчак действительно был личностью – как человек, исследователь, ученый, величайший военный, политик, о чем мы как-то быстренько забыли. Где произошел слом этого человека? Какая мельница, какие жернова его смололи? Что он для себя вынес из всей этой истории? Я бесконечно могу о нем говорить, столько материала в голове.

Да, есть небольшая опасность, вероятно, что мы сможем слишком обелить его, сделать однозначным героем. Хотя и так называемый "галстук Колчака" существовал, это знают те, кто занимается историей. И на нем лежит ответственность за массу самых разных поступков. Но мне больше другое интересно. Что за сердце у этого человека? Почему такие письма он писал любимой женщине? В нем словно бы сошлись два человека на чашах весов. Вот как это показать?

Не то чтобы мы хотели перевернуть историю. Но, по крайней мере, стоит сказать, что фамилия Колчак – нарицательная не в минус. А может быть, даже в плюс. Да, так сложилось. И он тоже разводил руками: я не знаю, я не знаю… На флоте было проще, все понятно. А тут: почему не подвозят продовольствие, почему вторая армия где-то там заблудилась? Это же для него непонятно было.

Материала очень много. И страшно, честно говоря, потому что люди увидят Колчака таким, каким я его покажу. У нас были пробы, и один артист спросил: а зачем ты обо всем этом думаешь? Кто сегодня помнит, кто такой Колчак? Но у меня-то это все уже внутри сидит. Можно, конечно, поиграть в историю "про Колчака". А я вот хочу в душу залезть, хочу понять, что им двигало, что его мучило? Как можно выйти к сотне офицеров и объявить: я снял с себя полномочия, я вас больше не задерживаю. Потом прийти в купе поезда и уверенно сказать любимой женщине: они не уйдут. И на ближайшем полустанке услышать топот ног: они не уходят – убегают. И он за три минуты понимает: все. Теперь остается только достойно умереть. Это действительно его прямая обязанность.

– Среди ваших работ достаточно подлинных личностей: Симонов, Нижинский, Гапон. Вам интересно покопаться в исторических материалах или роль – в большей мере вольная фантазия?

– Это самая интересная часть работы, когда ты влезаешь во всю эту подлинность. Без этого нельзя. Задачи могут быть разными. В тех же Симонове, Нижинском существовал момент отчуждения. А вот в истории Колчака хочется показать все, как было на самом деле. Вот как они ходили? Полгода в море, все-таки своеобразная походочка. К съемкам нарыли очень много документальных материалов. И на пробах мы вдруг поняли, что не умеем так разговаривать. Мы отучились нести мысль в фразе. Есть некоторое число разумных людей, которые этим владеют, но в общей массе мы разучились это делать. Мы не умеем договаривать фразы до конца, просто выслушать до конца. А ведь это некогда была норма – не только для элиты, высшего эшелона, но для всех. Норма поведения образованных людей. А сегодня мы берем подлинные тексты и понимаем, что произнести их не в состоянии. Можем, на худой конец, просто повторить слова, но чтобы они стали твоими, пошли изнутри – это сложно, практически невозможно.

Точно так же, репетируя Сирано, я понял, что мы разучились читать стихи. Нет, умеем , конечно, произносить рифмованные фразы, но чтобы, слыша их, тысяча двести человек замолчали… А я помню, как однажды на гастролях Театра Армии в Новосибирске Олег Иванович Борисов мне показал, как он работает над "Маскарадом". Народный артист всего Советского Союза, гений, занимался сканированием стиха. У него тетрадочка была толстая, которую он пополам разлиновал: с одной стороны писал фразу в прозе и выделял ударное слово, с другой – в стихах. Оно ему надо было?

– Значит, надо. Но Борисов, вы сами сказали, гений, а таких единицы.

– Значит, надо. Так и тут выяснилось, что мы не умеем делать огромное количество вещей, которые утеряны, затоптаны, забиты. Нас заставили их забыть. Мы – неоднородная, но все-таки масса. А когда я смотрю документальные кадры, то вижу лица. Может быть, снимали таких избранных? Но не думаю.

А этикет? Которого мы тоже не знаем и, значит, надо учиться. Мы креститься-то, в конце концов, правильно не умеем. Я вот хожу в храм по своим нуждам, смотрю, как поразному все себя ведут, и вдруг натыкаюсь взглядом на какого-то человека и вижу лицо. Понимаю: вот как надо. Такие дела.

– Вы говорите о том, что пытаетесь пропустить все через себя. А я, видя вас на сцене или на экране, часто замечаю дистанцию между вами и персонажем, слышу как бы их диалог. Получается, это всего лишь иллюзия восприятия?

– Не знаю… Со стороны, наверное, виднее. Но мне казалось, я так не делаю. Хотя это такая болезненная штука в общем – все в себя впускать. Но я все-таки пытаюсь, я по-другому не умею. Конечно, бывают спектакли, когда видно, что артист держит дистанцию, но не потому, что он этого хочет, просто сегодня так вышло. Кажется, что готов к спектаклю, а на деле получается, что не очень. Нет, это самое интересное – через себя. Я говорю от имени героя.

– Но ваше-то отношение к нему существует, надо ли его скрывать?

А.Домогаров

– Это мое отношение ко мне самому там, внутри. Когда мы репетируем, находим это отношение. И оно пришито намертво уже. Когда я работал над Джекилом и Хайдом, меня домашние спрашивали: сейчас ты кто? Начинаешь иногда вести себя как персонаж, сам того не замечая. Я ночью просыпался со словами: дайте музыку!

– Подобное отношение к работе идет от школы Малого театра, Щепкинского училища, которое вы окончили?

– Ну школа учит переживанию, если это классическая школа. Нет, я думаю, что до конца научить этому нельзя. Это надо самому понять и для себя выяснить какие-то истины. Да, можно просто что-то показывать на сцене: могу так, могу эдак, а могу еще вот как. И это часто используется актерами. У меня так не получается. У меня рубашки мокрые после спектакля.

– Когда вы как человек с нормальным творческим самолюбием и внутренним камертоном сказали себе: да, я артист. И сказали ли вообще?

– Чтобы вот так определенно… Не знаю, нет, наверное. В какие-то моменты посещает мысль, что ничего получилось. Я очень люблю, когда зал молчит. Когда понимаешь, что это ты заставил его замолчать. Произносишь какие-то слова и ощущаешь, что они попадают точно в цель – туда, куда я хочу. Вот где самый большой кайф! Никакие аплодисменты, ничего не сравнится с этой тишиной. Ничего! Либо катится слеза, либо открыт рот, в общем, точное попадание в душу. Поэтому – молчок, а уж потом можно и похлопать. Бывает такое. Не скажу, что всегда.

Чаще всего это случается на спектакле, когда ты сам определяешь в роли какие-то моменты, которые тебе по-настоящему понятны. Но по-домогаровски понятны. И ты про это домогаровское хочешь сказать. Я про свою любовь хочу им сказать. Вот – Сирано. С носом он, без носа, неважно, у него другой комплекс совершенно. Об этом можно часами говорить. Но что движет мужчиной, который прячется под этим балконом, шепчет слова сопернику, отправляет его к любимой и видит потом, как они целуются? Что же внутри у него происходит? Зачем все это: иди, ступай?

– И зачем же?

– Не скажу. Это вот комплексы.

И есть такие поговорки мои. Если в "Сирано" взрывается вся эта машина после слов "Убит поэт де Бержерак", я понимаю, что дошло. Самому тяжело, но дожал. И я тихо говорю: а это вам на закуску. Такие вот фразочки, вроде как с себя все это снимаешь, скидываешь напряжение.

В "Нижинском" второй акт был для меня просто безумно трудным. Все ограничивается койкой, мячиком. Мизансцен, помогающих актеру, никаких нет. Ни тебе прыжков, ни эффектов. И бывало больно, когда в зале вдруг возникали смешки. Ну как "пробить" это? Никак. Значит, сегодня такая зрительская защита. Это было тяжело.

У меня вообще нет этой легкости: вот я вышел и сыграл. Да и все спектакли достаточно трудные. Я понимаю, что иногда просто не хватает физических сил. Но я, правда, люблю, когда рубашки мокрые. Значит, я не халтурю, не вру сам себе, по крайней мере. Что-то я очень высокопарно заговорил. Правда, это не значит, что зритель всегда понимает, что я в этот момент до него доношу. У каждого свое.

– Вот, кстати, о своем. Почему вы при безусловной звездности и востребованности не следуете примеру своих коллег, пускающихся в "свободное плавание", а остаетесь в труппе Театра имени Моссовета?

– Никогда об этом не думал. В свободном плавании все равно маршрут тобой проложен. Ты же не отпустил весла и не поплыл просто по течению.

– Но ты, наоборот, взял весла в свои руки.

– В этом плане я театру очень благодарен. Все условия для нормального существования здесь мне созданы. Сейчас действительно времена изменились. Да, есть приказы, распределения ролей. Но как-то так жизнь повернулась, что я не делаю того, чего не хочу. А я не хочу каждый день ходить на завод и закручивать гайки.

– Но не о том же речь.

– Так и я не о том. Это значит играть по 30 спектаклей в месяц, как у меня было в Театре Армии. Каждый день как на завод. А я хочу приходить именно в театр и знать, что меня ждет мое дело. Я, например, люблю в день спектакля приходить сюда часа в четыре. Не без пятнадцати семь врываться, задыхаясь и лихорадочно вспоминая, а что играем-то, а в четыре. В пять я пойду проверять микрофоны и долбать наших бедных звукорежиссеров, если идет "Джекил и Хайд": сделайте же что-нибудь, я же не вокалист, помогите. А накануне я буду думать, что завтра мне играть Сирано или Марата.

Не думал я, еще раз повторю, о свободном плавании. Может быть, потому, что такая ситуация у меня в театре сложилась? А может, потому, что меня раньше излишне много били по голове, а теперь гладят?

Сейчас действительно другое время. Надо крутиться, вертеться, зарабатывать деньги. Масса возможностей – сериалов море, киношки всякие, телепередачи, шоу. Но в этом океане надо все же свое течение определить. А сидишь ты в театре или не сидишь, привязан ты к одному месту или нет, не столь важно. Я вообще не очень верю в эту свободу. Может быть, свободные и хотели бы привязаться к месту, но только на определенных условиях.

Олег Меньшиков, к которому я с большим уважением отношусь, пошел другим путем. У него своя контора, он сам выбирает, что ему играть. Но тоже делает огромные перерывы, ведь надо что-то придумать, найти, понять, интересно ли это тебе. У меня здесь такая же ситуация: давайте, Саша, подумаем, что вам будет интересно.

– То есть вы здесь абсолютно свободны?

– Относительно. Театр – это все равно машина. И если прислушиваться к мнению каждого, машина встанет. Но мне просто повезло. У меня в Театре имени Моссовета была только одна проходная роль, и этот спектакль уже снят.

А вот, например, первый спектакль здесь – "Мой бедный Марат", когда, к моему удивлению, на афише написали "дебют Александра Домогарова". Тоже думали, что это "датская" постановка, что она продержится полгода-год. Десять лет прошло. И я очень доволен, что спектакль живет. Поменялись мы, очень поменялись. Если раньше мы с таким удовольствием и благоговением играли блокаду и проскакивали вторую часть, то сейчас, наоборот, мы просто купаемся в том, что происходит после. Вот такие весы актерско-человеческие.

Не знаю, прислушиваются ли ко мне. По крайней мере, я могу что-то предложить. В этом я свободен.

– А отказаться?

– Наверное, могу, я не пробовал. Мне не предлагали того, чего я категорически не хочу. Но жизнь есть жизнь, могут и предложить.

– Опять же в отличие от ваших коллег вы пока не задействованы в современном и модном авангардном театре. Вас это не привлекает или просто не сложилось?

– Не сложилось пока. Но я очень надеюсь, что сложится. Мне бы хотелось поработать с режиссерами такого плана. Очень меня прельщает, например, Юрий Бутусов, очень. Он, мне кажется, серьезно подходит к делу. Мы не знакомы, это просто мои ощущения. Но в его спектаклях есть с чем спорить, о чем говорить, над чем думать. И совершенно другие режиссерские приемы. Хотелось бы попробовать.

– Сегодня в актерском мире существует явная тенденция к превращению актера в так называемое медийное лицо. Даже очень хорошего актера. Не возникает ли у вас желание иногда сказать себе: стоп, подожди. Или вы будете браться за все?

– Ну, во-первых, не за все. Я уверен, что те же Женя Миронов или Костя Хабенский тоже хватают не все, есть момент выбора. Но… хочется кушать.

– Это понятно.

– Нет, поймите меня, я не про деньги. Когда ты понимаешь, что еще в силе и тебе все просто "катит", ты начинаешь это, простите, жрать. А если в этом еще и отзывается что-то твое. Тебе выпадает раз карта, два карта, которые скидывает судьба, а ты скажешь: нет, подожди? Я так не скажу. Я наберу в обе руки и буду сидеть как куркуль.

Вот сейчас у меня отложились съемки. И я с января как-то не совсем у дел. И начинаю думать: а что происходит-то? А поработать? Пришел в театр, попросил поставить мои спектакли на полную катушку. Нет, я не откажусь. Я не буду брать все подряд. Но мне действительно интересно. И в Африку поехать мне интересно.

– "Последний герой", "Сердце Африки"… Вам не хватает экстрима?

– Я, когда первый раз отправился в Панаму, честно говоря, сам недели три въезжал в эту ситуацию. Казалось бы, въехал наконец. Но потом поступило предложение отправиться в Африку, и у меня даже мысли не было отказаться. Мол, я все это уже видел, знаю, ничего нового и интересного для себя не открою. Я людей открываю. Вот приезжает человечек, через неделю – он такой, через две – другой и так далее. Что же с этими людьми происходит? Материала столько снимается, на экран-то выходит одна тысячная. А ты с ними общаешься вживую, видишь их глаза, наблюдаешь, как меняются характеры, взаимоотношения. Это такая актерская копилка. Как и любая наша встряска чисто человеческая.

Да, тяжелая поездка была, жутко тяжелая, с драматическими условиями, погодой. Но можно все отдать, наблюдая, как люди меняются. Какие вдруг тайники открываются человеческие и что оттуда начинает лезть! Я там даже книжечки какие-то завел, что-то для себя записывал, как врач-психотерапевт. Ничего же бесследно не проходит.

– Значит, все в актерскую копилку? Говорят, что актер настолько привыкает к маске, что не расстается с ней и в жизни. А вы?

– Хотел сказать "нет", но понял, что совру. Если артист серьезный, если, разбирая образ, он его на себя примеряет – да, он приклеивает масочку на какой-то период. Потом ты ее пытаешься снять, но клей, следы остаются – там, там, там. Все равно что-то такое на лице есть.

Я хочу прийти домой, расслабиться и заниматься домашними делами. А мозги все равно поворачиваются туда, в работу. И после спектакля у меня всегда поток, я должен об этом говорить. Без этого нельзя. Это подпитка, движок твой внутренний. Он должен работать, надо подливать туда бензин, керосин, масло сливочное.

Ты не думаешь, что в жизни играешь. Наверное, и не хочешь этого. Но вот я вижу, например, продавца, и тут же совершенно подсознательно: а почему ты так сейчас на меня смотришь? Я не задаю этих вопросов вслух, это все про себя. Я ни в какой скандал не полезу. Но все включается в актерские дела.

– Это мешает или уже воспринимается естественно?

– Не то чтобы мешает, но, наверное, это все же неестественно. Нормальному человеку вряд ли придет в голову так все просчитывать. Хотя бывает. Но у артистов-то нервы наружу, все раскрыто и раздергано. Актер – как тот цветок, который ловит мух.

– Если у вас, не дай бог, случится вынужденный простой, вы придумаете, чем себя занять в нормальной жизни? Или сразу же начнете искать работу?

– Начну искать работу. Ну я, конечно, могу поехать покататься на горных лыжах. День, два, три, потом начну мучиться: а почему я ничего не делаю?

– Вы как-то сказали, что у вас нет друзей, потому что дружба – понятие круглосуточное, а у вас на это нет времени.

– Да, я люблю эту фразу. Они есть. Ты убеждаешься в этом практически ежедневно, ежечасно. Другое дело, можешь ли ты ответить тем же. Я всегда говорю: есть хорошие знакомые, близкие отношения. Но я боюсь произносить слово "друг". Это ведь почти брат, очень похоже. Мы общаемся, не более. Потому что я знаю, если вдруг у меня случится что-то сверхординарное, я скажу: извини, я занят. Это, наверное, очень эгоистично. Но, к сожалению, это так.

– Насколько вас раздражает прозрачность, публичность вашей частной жизни? Или уже выработался иммунитет?

– Меня это дико бесит. Хотя я понимаю – людям интересно, что происходит на олимпе, тянет туда заглянуть. Но я бы очень хотел, чтобы моя дверь была закрыта. Не получается. Провоцируют. Тяжело, очень тяжело. Близкие поймут, родные. Хотя тоже не все. Мой брат, например, уже понять не может. Я ему должен объяснять. А я не хочу этого делать. Мне один артист сказал: когда я начал заниматься этой профессией, то даже не думал, что будет так страшно.

Наверное, нужно смириться и не обращать внимания. Да, старюсь не обращать. Но не могу сказать, что меня это оставляет равнодушным. Не скажу, что после очередного выпада мне легко выходить на сцену. У меня такое ощущение, что все всё прочитали и обо мне сложилось определенное мнение. И я начинаю заводиться, злиться. Начинается противостояние артиста и зала. Приходится его не завоевывать, а просто воевать. Если бы хоть какая-то часть правды там была, если уж пишут. Поэтому мне и хочется сбежать за высокий забор, поставить везде охрану, купить винтовку с оптическим прицелом и спустить собак.

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА
Фото ИТАР-ТАСС